

**В ссылке и заключении.
Воспоминания декабристов.
Князя Оболенского,
Басаргина и княгини
Волконской**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В11

В11 В ссылке и заключении. Воспоминания декабристов. Князя Оболенского, Басаргина и княгини Волконской / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 108 с.

ISBN 978-5-518-04282-7

ISBN 978-5-518-04282-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ими мужьями признавались „не иначе, какъ женами ссыльно-каторжныхъ“ и не могли рассчитывать на защиту начальства ни отъ какихъ, даже насильственныхъ оскорбленій, несмотря на то, что эти жены только что получали отъ самого самодержца Николая любезныя письма. Но этого мало: онѣ должны лишиться даже дѣтей, родившихся въ ссылкѣ; послѣднія должны поступать въ заводскіе крестьяне. Этимъ хотѣли окончательно наложить на нихъ печать отверженія. 13-го іюля 1826 года Николай разсыпалъ милосердіе и законъ христіанскій въ глазахъ Европы и Россіи, запрещая „вмѣнять пороки и преступленія декабристовъ по родству кому-либо въ укоризну“, но въ тайникахъ своихъ канцелярій онъ не стѣснялся отбирать подписки о лишеніи дѣтей принадлежащихъ имъ правъ.

Это было наиболѣе тяжелымъ ударомъ для многихъ „каторжниковъ“. Сколько горя, сколько унижительныхъ просьбъ пришлось перенести въ силу этой печати отверженія!

Всякій ли знаетъ положеніе ссыльно-каторжныхъ? всякій ли можетъ представить тяжесть этого положенія? Постоянные окрики часовыхъ, брань конвойныхъ, произволъ и прямо издѣвательство „начальства“,—вотъ что ожидало каждый день съ утра и до вечера „ссыльно-каторжныхъ“.

Жизнь полная лишеній, мукъ и страданій, лишенная малѣйшей увѣренности въ спокойствіи за каждый день, въ томъ, что черезъ часъ или два ты не долженъ рѣшиться умереть голодной смертью или не пойти подъ разстрѣлъ дикаго начальства.

Вотъ чѣмъ закончилось существованіе Тайнаго общества, первую цѣлью котораго было „помощь правительству“; вотъ къ чему привело возстаніе, задуманное такъ спѣшно и выполненное такъ опрометчиво.

Но послушаемъ лучше про эту горькую жизнь отъ самихъ участниковъ, подслушаемъ ихъ плачь въ ихъ пѣсняхъ. увидимъ ихъ страданія въ ихъ перепискѣ.

Посланіе къ узникамъ.

А. С. Пушкина.

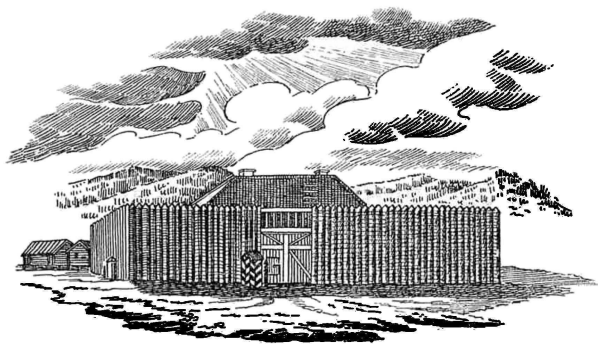
Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастьемъ вѣрная сестра—
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудить бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора!

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходить мой свободный гласъ.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, Бардъ,—цѣплями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Одоевскій.

МОЕ ИЗГНАНИЕ ВЪ СИБИРЬ.

(Mon exil en Sibérie. souvenirs du Prince Eugène Obolenski).

21-го юля 1820 года, вечеромъ, мнѣ принесли въ мой номеръ Кронверкской куртины сѣрую куртку и такіе же панталоны изъ самаго грубаго солдатскаго сукна и возвѣстили, что мы должны готовиться къ отправленію въ путь. Наканунѣ этого дня я имѣлъ свиданіе съ младшими братьями—пажами и, простившись съ ними, просилъ ихъ прислать мнѣ необходимое платье и бѣлье. Они исполнили мое желаніе: вѣроятно, нашли готовый сюртукъ съ брюками, и вмѣстѣ съ бѣльемъ уложили въ небольшой чемоданъ и отправили ко мнѣ; все это я получилъ и, удивляясь новому наряду, который мнѣ принесли, спросилъ у плацъ-маіора: „Зачѣмъ же мнѣ послали партикулярное платье, если хотятъ, чтобы я носилъ сѣрую куртку?“ Отвѣтъ мнѣ былъ, что это отдается на мою волю, и что я могу воспользоваться казеннымъ платьемъ, если этого самъ пожелаю. Но такъ какъ мнѣ приказано было приготовиться къ дорогѣ, то я, пораздумавъ, что у меня не было ни одной копѣйки въ карманѣ, и что въ дальней сторонѣ и въ дальнюю дорогу единственный мой сюртукъ потерпитъ совершенное истребленіе, я рѣшился надѣть казенную аммуницію, которая хотя на видъ не хороша, но весьма была покойна по ширинѣ ея размѣровъ, и сталъ дожидаться времени отправленія. Вскорѣ послѣ полуночи меня повели въ Комсидантскій домъ: взойдя въ комнату,

Князь
Е. П. Оболенскій.

вижу Александра Ивановича Якубовича, въ такомъ же нарядѣ, какъ и я.—Вслѣдъ за нимъ вошелъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ—бывшій командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, и Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной лейбъ-гусаръ. Артамонъ Захаровичъ былъ одѣтъ шегольски; въ длинномъ сюртукѣ—и со всѣмъ изяществомъ, которое доставляетъ искусство портного, щедро награжденнаго. Его добрая жена. Вѣра Алексѣевна. заботилась о немъ. Василія Львовича я видѣлъ тогда въ первый разъ; не великъ ростомъ, но довольно тучный, съ глазами живыми и выразительными; въ саркастической его улыбкѣ замѣтно было и направленіе его ума, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое добродушіе, которое невольно располагало къ нему тѣхъ, кто ближе съ нимъ былъ знакомъ. На Василіи Львовичѣ былъ надѣтъ фракъ Буту, перваго портного; остальной нарядъ соответствовалъ изящной отдѣлкѣ лучшаго портного. Мы молча пожали другъ другу руки. Якубовичъ не могъ удержаться отъ восклицанія, когда увидѣлъ меня съ отросшей бородой и въ странномъ моемъ нарядѣ. „Ну! Оболенскій! — сказалъ онъ, подводя меня къ зеркалу: „если я похожъ на Стеньку Разина, то неминуемо ты долженъ быть похожъ на Ваньку Каина“ Вскорѣ дверь распахнулась, и комендантъ крѣпости, генералъ-отъ-инфантеріи Сукинъ громко сказалъ: „по высочайшему повелѣнію, васъ велѣно отправить въ Сибирь закованными“. Выслушавъ повелѣніе, я обратился къ нему и сказалъ, что, не имѣя при себѣ ни одной копѣйки денегъ, я прошу его объ одной милости, чтобы мнѣ возвратили золотые часы. довольно цѣнные. которые были у меня отобраны, когда привезли въ крѣпость. Выслушавъ меня, генералъ приказалъ плацъ-адъютанту Трусову немедленно принести мои часы и возвратить мнѣ. Это было исполнено; вскорѣ потомъ принесли ножныя цѣпи; насъ заковали, сдали фельдъ-егерю Сѣдову при четырехъ жандармахъ, и мы вышли, чтобы отправиться въ дальній путь. Провожая насъ, крѣпостной плацъ-

маіоръ, Егоръ Михайловичъ Подушкинъ, подходитъ ко мнѣ и таинственно пожимаетъ мнѣ руку; я отвѣчалъ пожатіемъ—и тутъ слышу едва внятный его шопотъ: возьмите, это отъ вашего брата. Тутъ я чувствую, что въ рукѣ моей деньги—молча пожалъ я ему руку—и внутренно благодарилъ Бога за неожиданную помощь. У подъѣзда стояли четыре тройки: на одну изъ нихъ меня посадили; невольное грустное чувство обнимало душу. Вдругъ вижу,—на мою телѣгу вскочилъ Козловъ, адъютантъ военного министра Татищева, посланный имъ, чтобы быть свидѣтелемъ нашего отправленія; мы съ нимъ мало были знакомы. Онъ обласкалъ меня, какъ братъ родной, и слезы, потокомъ ліясь изъ его глазъ, свидѣтельствовали о глубокомъ чувствѣ, коимъ онъ былъ проникнутъ; отрадно мнѣ было видѣть сочувствіе въ такомъ человѣкѣ, съ которымъ я едва былъ знакомъ. Тройки помчали насъ съ разсвѣтомъ дня черезъ Петербургъ въ Шлиссельбургскую заставу, и мы остановились для перемѣны лошадей на первой станціи..., гдѣ насъ ожидала жена Артамона Захаровича Муравьева для послѣдняго прощанія съ мужемъ. Не болѣе часа пробыли они вмѣстѣ; лошадей перемѣнили, и скоро мы миновали Новую Ладугу и съ обычной быстротой ѣхали все далѣе и далѣе. Путевыя впечатлѣнія совершенно изгладились изъ моей памяти; быстрая и безпокойная ѣзда, новость положенія, все вмѣстѣ не позволяло обращать вниманія на внѣшніе предметы. Мы останавливались въ гостинницахъ; Артамонъ Захаровичъ былъ общимъ казначеемъ и щедро платилъ за наше угощеніе; постороннихъ лицъ до насъ не допускали; наша отрада состояла въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній наиболѣе въ памяти сохранился въѣздъ въ Нижній, который совершился во время открытія ярмарки; тысячи народа толпились на площади, когда мы медленно проѣзжали черезъ площадь къ гостинницѣ. Общее чувство къ намъ выразилось единственно безмолвнымъ созерцаніемъ нашихъ колесницъ съ жап-

дармами, и нашего наряда съ ножными украшеніями. Въ Нижнемъ я купилъ необходимую для меня шинель и нѣкоторыя другія вещи мнѣ нужныя. и изъ 150 рублей, полученныхъ мною отъ Подушкнна, немного оставалось у меня въ наличности: мы продолжали путь по большому сибирскому тракту и въ концѣ августа были уже въ Иркутскѣ.

Генераль - губернаторъ Лавинскій находился въ отсутствіи; насъ принялъ исправляющій его должность ст. сов. Гирловъ: съ нами онъ обошелся ласково и. поговоривъ съ участіемъ съ каждымъ изъ насъ, вышелъ изъ залы; вмѣстѣ съ нимъ вышли и другіе, но оставался чиновникъ, намъ тогда неизвѣстный (это былъ совѣтникъ какой-то палаты Вахрушевъ). Во время нашей бесѣды съ губернаторомъ онъ смотрѣлъ на насъ съ видимымъ участіемъ; наконецъ, когда старшіе чиновники удалились, онъ подходитъ ко мнѣ: слезы у него были на глазахъ; едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, онъ говорилъ мнѣ: „не откажите мнѣ ради Бога, примите“—и въ руку кладетъ мнѣ 25 руб.: я не зналъ что мнѣ дѣлать, говорю ему шопотомъ: „не безпокойтесь—у меня деньги есть; я не нуждаюсь“—вновь тѣ же слова: „ради Бога, примите“—принуждалъ принять. До нашего конечнаго назначенія въ заводы намъ отвели квартиру у частнаго пристава Затопляева; полицеймейстеръ въ то время былъ Андрей Ивановичъ Пирожковъ; градскимъ головой былъ Ефимъ Андреевичъ Кузнецовъ, въ послѣдствіи столько прославившійся богатыми золотыми приисками, но еще болѣе общественною благотворительностію. Много вниманія и участія оказали намъ, какъ Ефимъ Андреевичъ, такъ прочіе чиновники и купечество, и по возможности старались насъ успокоить и развлечь во время краткаго пребыванія нашего въ квартирѣ г. Затопляева, который самъ, равно какъ и Андрей Ивановичъ Пирожковъ, никакимъ словомъ и никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственнаго достоинства, кото-

рое неизмѣнно нами сохранялось. Не долго мы пользовались радушнымъ гостепріимствомъ; насъ назначили—меня и Якубовича—въ соляной заводъ, находящійся въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска, подъ названіемъ Усолъе: Муравьева и Давыдова въ Александровскій винокуренный заводъ. Мы разстались съ надеждою вновь увидѣться при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ. Съ Якубовичемъ прибыли мы къ мѣсту новаго назначенія 30-го августа. Вслѣдъ за нами пріѣхали въ Иркутскъ. Трубецкой, Волконскій и два брата Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ; первые двое были посланы въ Николаевскій, а послѣдніе два въ Александровскій винокуренный заводъ.

По прибытіи въ заводъ, насъ приняли въ заводской конторѣ, отобрали деньги. бывшія при насъ. и отвели квартиру у вдовы, у которой мы поселились въ единственной ея горницѣ: сама же она жила въ избѣ. Начальника соляного завода—горнаго полковника Крюкова,—въ то время не было въ заводѣ, и потому никакого особаго распоряженія объ насъ сдѣлано не было, и мы пользовались свободой, хотя ограниченной полицейскимъ надзоромъ. но не стѣсняемой никакими формальными ограниченіями; время отъ времени насъ посѣщалъ заводскій полицеймейстеръ, урядникъ Скуратовъ, единственное лицо, съ которымъ мы имѣли официальные сношенія. Съ простымъ народомъ, населяющимъ заводъ, наши сношенія ограничивались покупкою припасовъ и платою за простыя услуги, намъ оказываемыя. Полицейскій невидимый надзоръ непрерывно наблюдалъ за нами, и часто, среди вечерней бесѣды вдвоемъ съ Якубовичемъ, мы слышали осторожные шаги приближающагося къ запертымъ ставнямъ агента полиціи, и глазъ его, сквозь ставеную щель, нерѣдко былъ нами замѣчаемъ. Но вопреки всѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, скоро до насъ дошла вѣсть, что княгиня Трубецкая пріѣхала въ Иркутскъ: нельзя было сомнѣваться въ вѣрности извѣстія, потому что никто не зналъ